

ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Въ одинъ изъ немногихъ жаркихъ дней минувшаго мая сидѣлъ я въ вагонѣ копки, который отправлялся въ Сокольники и почти полонъ былъ нарядной публикой, состоявшей, повидимому, большею частію изъ дачниковъ. Лишь только зазвенѣли звонки, въ вагонъ вошелъ еще какой-то господинъ и съ глубокимъ вздохомъ тяжело опустился на мѣсто рядомъ со мною. Это былъ сытый, красивый блондинъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ выхоленными бакенбардами, въ изящно-шитой че-сунчевой парѣ, шелковой сорочкѣ съ бантомъ и кистями на шеѣ и въ пеномѣрно-длинныхъ лыжахъ съ острыми, загнутыми вверхъ, носками. Массивная часовая цѣпь и дорогой перстень на мизинцѣ ярко блестѣли подъ косыми лучами заходившаго солнца. Снявъ соломенную шляпу и отирая лобъ платкомъ, распространявшимъ тонкій запахъ жасмина, мой новый сосѣдъ медленно обвелъ глазами всѣхъ пассажировъ и, почему-то остановивши на мнѣ свое благосклонное вниманіе, тотчасъ-же обратился съ вопросомъ: бывали вы на Сахалинѣ?—

— Нѣтъ, говорю, пока Богъ миловаль.

— Ну, такъ если желаете получить надлежащее понятіе о каторжной жизни, поступайте на службу туда, гдѣ имѣеть честь служить вашъ покорнѣйшій слуга, и онъ назвалъ при этомъ одно изъ солидныхъ московскихъ кредитныхъ учреждений.

— Не слишкомъ-ли смѣлое сравненіе, замѣтилъ я.

Вы думаете?—Можетъ быть, по какъ бы то ни было, я ежедневно чувствую себя Сахалинцемъ въ полной формѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, изо дня въ день съ ранняго утра и чуть не до поздней ночи приходится неизмѣнно тянуть все ту же вѣчную лямку, которая всего меньше имѣетъ права называться разумною жизнію свободнаго существа. На западѣ вонъ послѣдній фабричный или углекопъ добивается облегченія условій своего труда, а ты здѣсь хоть и привилегированнымъ интеллигентомъ называешься, ни о какихъ льготахъ мечтать не моги. Ни въ морозъ трескучій, ни въ зной палящій нѣтъ тебѣ пощады. Коли разъ ты себя запродашь, такъ ужъ знай, что не въ узаконенное время тебѣ никакихъ чувствъ и мыслей не полагается. Съ тебя съ живаго систематически снимаютъ кожу и ты сознательно изволь присутствовать при собственномъ истребленіи. Кажется, какія-бы несмѣтные деньги нужно платить за подобный трудъ?! Но не тутъ-то было! Даютъ лишь жалкіе гроши, на которые, живя мало-мальски прилично, едва можно сводить концы съ концами. А вѣдь дѣна крови это! Никакихъ силъ не хватитъ служить живою машиной и съ каждымъ годомъ чувствуешь, что скоро останется отъ тебя лишь пріятное воспоминаніе.

— Извините, но я опять склопенъ обвинить васъ въ преувеличеніи. Судя по вашей наружности, вы согласитесь конечно, никто не скажетъ, чтобы вашъ трудъ былъ особенно изнурителенъ.

Э, батенька мой, кто не знаетъ, что наружность обманчива и по ней судить не слѣдуетъ. Вы, должно быть, принадлежите къ числу такихъ избранниковъ судьбы, которые насъ—Сахалинцевъ понять не могутъ, потому что на себѣ ничего подобнаго не испытывали. Правда?

— Отчасти, правда. Я служу въ такомъ учрежденіи, гдѣ меня каждый день на службу не тянутъ, гдѣ я могу работать спокойно у себя въ кабинетѣ, а на Рождествѣ, на Пасхѣ и лѣтомъ дается мнѣ по нѣскольку недѣль и даже мѣсяцевъ, которые я могу, если пожелаю, употребить хотя-бы на полный отдыхъ.

Ну вотъ, вы месья, какъ сытый голоднаго, разумѣть и не хотите. Хорошо вамъ разсуждать о моихъ преувеличеніяхъ, когда вотъ вы закатитесь теперь мѣсяца на два, на три, куда нибудь въ деревню и станете тамъ наслаждаться красотою природы, а я по прежнему, изо дня въ

день буду жариться на солнцѣ и глотать московскую пыль, путешествуя на службу, да сидѣть съ утра до вечера въ духотѣ комнаты надъ счетами и разными бухами.

— Такъ вы мнѣ завидуете?

— Еще-бы нѣтъ!

— Ну это только, думается мнѣ, подъ впечатлѣніемъ нынѣшняго жаркаго дня. А вотъ, немножко погода, закатится солнышко, станетъ прохладнѣе и вы будете разсуждать хладнокровнѣе. Я съ своей стороны постараюсь нѣсколько охладить васъ. Скажите пожалуйста, сколько даетъ вамъ ваша служба, вѣдь это не секретъ?

— Конечно. Со всѣми наградными я не получу въ годъ и четырехъ тысячъ съ половиною.

— И вы называете это „жалкими грошами“?

— А то какъ-же? Развитому человѣку при нынѣшнихъ условіяхъ жизни такой суммы едва хватаетъ.

— Ну а я, при всѣхъ завидныхъ прелестяхъ моей службы, получаю только двѣ тысячи, другіе-же изъ моихъ сослуживцевъ, которые помоложе, — и того меньше, всего тысячу двѣсти.

— Да развѣ можно жить на такія средства?

— Живемъ, стало-быть можно, хотя, конечно, осторожно, стараясь, какъ говорится, по одежкѣ протягивать ножки. А если разрастется семья, приходится уже напрягать всѣ силы, чтобы заработать что-либо кромѣ жалованья, конечно, главнымъ образомъ тѣмъ-же научнымъ и литературнымъ трудомъ, затрачивая на него все свободное время. Замѣтите еще впрочемъ, что сколько-бы кто изъ насъ ни напрягался, почти никогда онъ не будетъ въ состояніи получить столько, сколько получаете напр. вы на своей будто-бы каторжной службѣ. Отъ пріятныхъ досуговъ-же, которые васъ такъ прельщаютъ, не останется, конечно, въ этомъ случаѣ ровно ничего. Ну что же? Желали-бы вы помѣняться службой со мною и стать на мое мѣсто?

Гмъ!.. Какъ вамъ сказать?!... Отчасти, конечно, есть здѣсь...

— „Рязанскій вокзалъ“ — провозгласилъ въ это время кондукторъ. Я всталъ, пожелалъ своему сосѣду побольше хладнокровія и вышелъ изъ вагона.

Этотъ случайный разговоръ съ тѣхъ поръ часто прихо-

дять мнѣ на память. Думаю, что сытый франтъ, которому четыре съ половиною тысячи кажутся жалкими грошами, едва-ли пожелалъ бы перемѣниться мѣстомъ со мною; но и я ему нисколько не завидую. Конечно, при семьѣ, при необходимости дать дѣтямъ надлежащее образованіе, на наши академическіе оклады существовать очень трудно и во многомъ приходится себѣ отказывать; но за то какое блаженство смѣнить иногда напряженную мозговую работу счастливымъ временемъ отдыха, когда ты можешь насладиться своею свободой, отрѣшиться на время отъ неизбѣжно-утомляющихъ, обиденныхъ служебныхъ заботъ и располагать собою такъ, какъ тебѣ угодно. Конечно, у всякаго свой вкусъ, но на мой взглядъ эти недѣли и мѣсяцы имѣютъ такую высокую цѣну, что я не промѣнялъ-бы ихъ за лишніи тысячи. Сытый франтъ теперь по прежнему жарится на палящемъ зноѣ московскихъ улицъ, озлобленно расточая предъ первымъ встрѣчнымъ свои проклятія тому учрежденію, которое даетъ ему четыре тысячи съ половиною, а я, хотя иногда и весьма ощутительно чувствую, что было-бы лучше, если бы академія давала мнѣ нѣсколько больше, за то, покончивъ учебный годъ, растянулся теперь на травкѣ въ ароматномъ воздухѣ сосновой роуци и самъ себѣ баринъ. „Дорогая волошка мнѣ милѣй всего!“ Не съ злобнымъ раздраженіемъ думаю я о своей академіи, а напротивъ съ глубокимъ уваженіемъ и пѣжной привязанностью. Нравится мнѣ наша скромная жизнь товарищескаго кружка академической корпораціи, — жизнь простая, безъ претензій, чуждая всякаго вліянія табели о рангахъ, не дающая простора низменному, эгоистическому расчету карьериста, но всегда готовая дружно откликнуться на всякій призывъ ради честнаго, общаго дѣла. Сытый франтъ въ свои немногіе свободные дни вѣроятно и вспомнить не желаетъ о мѣстѣ своего служенія, а если и вспоминаетъ, то можетъ быть только для того, чтобы лишній разъ бросить въ него камнемъ; я же и теперь, отдыхая на лонѣ природы, охотно переносую мыслию къ своей родной академіи и съ удовольствіемъ готовъ сообщить читателю что-либо объ ея житьѣ-бытьѣ, обыкновенно столь мало вѣдомомъ постороннему человѣку.

Въ послѣдніе мѣсяцы минувшаго учебнаго года въ лич-

номъ составѣ академіи произошли нѣкоторыя перемѣны и передвиженія. Экстраординарный профессоръ по кафедрѣ нравственнаго богословія П. И. Казанскій, по избранію совѣта и утвержденію Свят. Синода, занялъ кафедру исторіи философіи съ званіемъ исправляющаго должность ординарнаго профессора. На освободившуюся велѣдствіе этого вакансію экстраординарнаго профессора избралъ и утвержденъ доцентъ по кафедрѣ теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ Г. А. Татарскій. На свободную кафедру нравственнаго богословія совѣтъ академіи избралъ профессорскаго стипендіата, окончившаго курсъ въ 1891 году магистранта, іеромонаха Григорія (Борисоглѣбскаго). Согласно требованію академическаго устава, іеромонахъ Григорій 24-го и 25-го апрѣля прочиталъ публично, въ присутствіи совѣта, двѣ пробныя лекціи, одну на тему по собственному избранію, и другую по назначенію совѣта, а именно: „Ходъ нравственнаго возрожденія по ученію преподобнаго Макарія Египетскаго“ и „эгоизмъ и христіанская любовь къ самому себѣ“. Обѣ лекціи признаны были совѣтомъ удовлетворительными и о. Григорій утвержденъ Его Высочайшею святынею въ званіи исправляющаго должность доцента по предназначенной ему кафедрѣ, какъ не имѣющій еще степени магистра, которая для доцентскаго званія составляетъ необходимое условіе. Магистерская диссертация о. Григорія впрочемъ уже готова и печатается въ приложеніи къ Богословскому Вѣстнику подъ заглавіемъ: „третье великое благовѣстническое путешествіе святаго Апостола Павла“.

Исправляющій должность инспектора академіи, архимандритъ Петръ (Друговъ), годъ тому назадъ переведенный на службу въ академію изъ Владиміра, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ былъ ректоромъ семинаріи, указомъ св. Синода отъ 22-го апрѣля назначенъ на должность ректора Кіевской духовной семинаріи. Въ высокаторжественный день 6-го мая архим. Петръ въ послѣдній разъ совершалъ соборне литургію и молебствіе въ академической церкви. По окончаніи богослуженія, академическое духовенство и чины инспекціи, имѣя во главѣ своей о. ректора академіи, прощально привѣтствовали о. архим. Петра съ поднесеніемъ ему на память большаго служебника въ бархатномъ переплетѣ съ

украшеніями. Затѣмъ все академическое духовенство, чины инспекціи и др. должностныя лица собрались въ квартирѣ о. ректора. Здѣсь вскорѣ явились проститься съ о. Петромъ студенты академіи, при чемъ одинъ изъ нихъ, отъ лица всѣхъ своихъ товарищей, въ теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ его за исполненныя довѣрія и добрыя отношенія къ студентамъ при сношеніяхъ съ ними по должности инспектора, а студенты 4-го курса поднесли при этомъ о. Петру альбомъ съ своими фотографическими карточками. На прощальный привѣтъ молодежи о. инспекторъ отвѣчалъ прочувствованною рѣчью, въ которой, между прочимъ, съ особенною силою указалъ на то отрадное впечатлѣніе, какое онъ выносилъ всегда изъ своихъ сношеній со студентами. Послѣ трапезы въ квартирѣ о. ректора съ обычными тостами и благожеланіями въ третьемъ часу по полудни арх. Петръ выѣхалъ изъ посада, при чемъ многіе изъ студентовъ собрались проводить его до самаго вагона. — На должность инспектора академіи указомъ св. Синода опредѣленъ исправляющій должность доцента іеромонахъ Григорій, а на свободную каедру введенія въ кругъ богословскихъ наукъ избранъ совѣтомъ бывший профессорскій стипендіатъ, магистрантъ курса 1889-го года, бывшій преподаватель Вологодской семин. С. С. Глаголевъ.

Въ мартовскомъ засѣданіи совѣта происходило, между прочимъ, обычное ежегодное присужденіе премій за научные труды мѣдушлага года. На премію Высокопр. митрополита Макарія представлены были сочиненія доцента П. А. Заозерскаго: „Историческое обозрѣніе источниковъ права Православной церкви. Выпускъ первый—каноническіе источники“ и „О священной и правительственной власти и о формахъ устройства Православной Церкви“ и докторская диссертация проф. П. Ѳ. Каптерева, за которую авторъ уже удостоенъ степени доктора церковной исторіи. Профессоры П. И. Цвѣтковъ и В. О. Кипарисовъ въ отзывахъ своихъ о сочиненіяхъ г. Заозерскаго выставляли на видъ ихъ серьезное научное значеніе, обуславливающееся, помимо высокой важности самыхъ предметовъ изслѣдованія, главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ ихъ, всесторонне знакомый съ литературою изучаемыхъ вопросовъ, сохраняетъ полную независимость отъ какихъ-либо

постороннихъ вліяній и основываетъ свои выводы исключительно на обстоятельной разработкѣ памятниковъ канонической древности, а потому является самостоятельнымъ и часто оригинальнымъ православнымъ канонистомъ. Второе изъ указанныхъ сочиненій г. Заозерскаго имѣетъ большую цѣну, между прочимъ, и потому, что оно посвящено изслѣдованію одного изъ основныхъ каноническихъ вопросовъ, доселѣ почти не затронутого въ русской наукѣ, и притомъ снабжено нѣкоторыми документами (коляситорскіе указы съ рѣшеніями ростовскаго митрополита Арсенія Мацѣевича) прошедшаго столѣтія, отысканными и впервые изданными авторомъ.

Профессоръ А. П. Лебедевъ, представляя на премию сочиненіе г. Каптерева: „сношенія Іерусалимскаго патріарха Досифея съ русскимъ правительствомъ“, въ виду уже извѣстныхъ совѣту отзывомъ рецензентовъ объ этой книгѣ, какъ о докторской диссертациі, не нашелъ нужнымъ повторять въ настоящемъ случаѣ всего того, что уже высказано было прежде о достоинствахъ этого труда. Онъ указалъ лишь на тотъ фактъ, что авторъ за свою книгу уже признанъ совѣтомъ и утвержденъ высшимъ духовнымъ начальствомъ въ степени доктора церковной исторіи, чего вполне достаточно, чтобы считать трудъ г. Каптерева заслуживающимъ премии. — Такъ какъ совѣтъ въ текущемъ году имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь одну полную и одну половинную премию, то онъ не имѣлъ возможности наградить обоихъ авторовъ въ равной мѣрѣ и присудилъ полную премию въ 500 руб. доценту Заозерскому, а половинную въ 250 руб. проф. Каптереву. Премій Высокопр. Макарія, установленныхъ за магистерскія диссертациі, на этотъ разъ были удостоены совѣтомъ сочиненія доцентовъ А. П. Голубцова и А. И. Введенскаго подъ заглавіемъ: „пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны“ и „вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія“. На премию Пресв. Михаила, еп. Курскаго, представлена была магистерская диссертациія доцента А. А. Жданова: „Откровеніе Господа о семи азійскихъ церквахъ“. Представляя это сочиненіе на премию, доцентъ М. Д. Мурстовъ въ отзывѣ своемъ призналъ его достоинствами: широ-

кое изученіе научныхъ пособій, тщательное изслѣдованіе свящ. текста, систематичность, краткость и сосредоточенность въ критикѣ, обстоятельность и основательность въ раскрытіи авторомъ его собственныхъ толкованій и главнымъ образомъ то обстоятельство, что авторъ ставитъ изслѣдуемый отдѣлъ Апокалипсиса въ тѣсную связь съ явлениями современной Тайновидцу дѣйствительности. Совѣтъ присудилъ доценту Жданову одну премію Преосв. Михаила въ 250 рублей.

Обозрѣвая послѣдніе мѣсяцы минувшаго учебнаго года, позволю себѣ припомнить теперь и нѣкоторыя другія событія академической жизни, не имѣющія отношенія къ наукѣ.

За всеобщимъ бдѣніемъ 8-го мая пришлось мнѣ еще разъ быть свидѣтелемъ обряда постриженія въ монашество одного изъ студентовъ академіи. Снова раздались грустно-торжественные звуки пѣсни „объятія отча отверзти ми потщися“, снова появилась въ дверяхъ храма густая толпа монаховъ, среди которой видѣлось взволнованно-блѣдное лицо постригающагося, поднимавшагося послѣ своихъ покаянныхъ колѣнопреклоненій на пути къ алтарю, снова начался трогательный обрядъ и послышались, вслѣдъ за отеческими увѣщаніями и предупрежденіями о. ректора, тѣ-же знакомые грозные обѣты; но, странное дѣло, въ душѣ своей я не находилъ уже той невольной жалости и той тревоги, какія пришлось мнѣ испытать три мѣсяца назадъ. Я стоялъ теперь почти вполне спокойно, какъ будто предо мною совсѣмъ не происходило того конечнаго расчета съ жизнью, того какъ-бы за-живо погребенія, которое заставило трепетать меня въ началѣ Февраля. Что же это значить, подумалось мнѣ. Неужели впечатлѣніе утратило свою силу только потому, что въ такой короткій срокъ является вторично? Или, можетъ быть, самое явленіе имѣетъ въ себѣ такія условія, которыя заставляютъ зрителя смотрѣть на него съ большимъ спокойствіемъ и увѣренностію? Я осмотрѣлся кругомъ. Поразившій меня прежде контрастъ и теперь, повидимому, оставался въ той-же силѣ. Свидѣтелями рѣшительнаго отреченія отъ міра и всѣхъ утѣхъ его, по прежнему, были полные жизни, силъ и надеждъ, юноши-студенты, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившіе за совершавшеюся роковою переменною въ

судьбѣ своего товарища, а внѣ академическихъ стѣнъ хотя и не слышалось прежняго масляничнаго шума, но за то въ открытыя окна храма возбуждающею волной врвался иной шумъ — „зеленый шумъ, весенній шумъ“ разцвѣтавшаго Мая, болѣе чѣмъ что-либо напоминавшій о радостяхъ жизни. И всетаки я не чувствовалъ прежней тревоги, потому что личность постригавшагося побуждала меня съ нѣкоторымъ спокойствіемъ смотрѣть на предпринимавшійся имъ жизненный шагъ. Сынъ діакона села Нижней Ярославки, Тамбовской губерніи, Моршанскаго уѣзда, Павелъ Ивановичъ Сосновскій окончилъ курсъ въ мѣстной духовной семинаріи съ званіемъ студента и два года проходилъ должность учителя въ сельской школѣ. Затѣмъ онъ принялъ священническій санъ и опредѣленъ былъ на мѣсто діакона при церкви села Верхней Ярославки, гдѣ при немъ открыта была церковно-приходская школа. Не долго суждено было о. діакону потрудиться на его новомъ мѣстѣ служенія. Черезъ полтора года по поступленіи на это мѣсто онъ овдовѣлъ и вскорѣ послѣ того рѣшился готовиться къ поступленію въ Московскую духовную академію для получения высшаго богословскаго образованія. Принятый по выдержаніи установленнаго экзамена въ академію, о. діаконъ прошелъ въ ней полный курсъ наукъ и въ послѣдній мѣсяцъ своей академической жизни удостоился монашескаго постриженія. Не много еще лѣтъ прожилъ о. діаконъ на свѣтѣ, а между тѣмъ уже не малый жизненный опытъ выпалъ ему на долю. Испыталъ онъ и радости семейной жизни, позналъ въ большей или меньшей степени и трудности и утѣхи дѣятельности общественной, потрудившись среди народа учителемъ и священнослужителемъ. Этотъ жизненный опытъ, способный и молодаго человѣка уравнивать съ умудренными годами старцемъ, служить, думалось мнѣ, достаточнымъ болѣе или менѣе ручательствомъ въ томъ, что тяжелый шагъ отреченія отъ міра предпринимается въ данномъ случаѣ не въ порывѣ юношескаго увлеченія, не въ восторженной погонѣ за идеалами, хотябы и возвышенными, но часто недостаточно продуманными, а по зрѣломъ размысленіи и съ спокойною рѣшимостію. Вотъ почему я безъ тревоги смотрѣлъ на величественный обрядъ и грозныя обѣты постригавшагося не приводили

меня въ трепетъ. - Новый инокъ нареченъ былъ при постриженіи именемъ Діонисія въ честь преподобнаго архимандрита Діонисія, мощи котораго почиваютъ при Троицкомъ соборѣ Сергіевой лавры и память котораго празднуется 12-го Мая. По окончаніи всенощнаго бдѣнія, о. ректоръ обратился къ новому священнопоку съ исполненнымъ чувства словомъ привѣтствія и пазидація. „Господь призываетъ насъ къ духовной жизни, говорилъ онъ между прочимъ, различными путями. Наше дѣло снѣнить къ исполненію предначертаній промыслительной благодати, довершать тотъ подвигъ, коему начало она предуказуетъ. Для тебя возлюбленный братъ, Господь уже исполнилъ половину подвига, тяжкими лишеніями отвративъ твое сердце отъ любви къ міру. Теперь тебѣ предложитъ усваивать другую сторону благодатной жизни, — ея положительное содержаніе, т. е. тѣ евангельскія или духовныя добродѣтели, изъ которыхъ оно слагается... Паполни-же твою монашескую жизнь плодами духа, которые суть: *любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, выдержка, воздержаніе*“ (Гал. V, 22). Въ особенности-же „провѣряя свою жизнь и совѣсть, остерегайся удовлетворяться тою оцѣнкой, какую дадутъ ей окружающіе тебя люди... Возможно, что ты будешь окруженъ любовью учениковъ, похвалами начальниковъ, будешь получать все высшія и высшія полномочія по управленію различными отраслями жизни церковной: но смотри, не упокойвай совѣсти твоей на похвалахъ и успѣхахъ, спрашивай чрезъ слово Божіе и самоуглубленіе — отзывовъ иного Судіи, Который зрять не на лице, а на сердце. (1 Цар. XVI, 7)... Среди многшумной обольстительной жизни внѣшней да созрѣваетъ въ тебѣ та незримая внутренняя жизнь, сокровище которой останется извѣстнымъ только тебѣ одному... Самъ Господь да дастъ тебѣ, *по богатству славы Своей, крѣпко утвердиться во внутреннемъ человекѣ, втрою вселиться Христу въ сердце твое*“... (Ефес. III, 16) и т. д. ¹⁾. — Затѣмъ новопостриженный, въ сопровожденіи о. ректора академіи, доцента іеромонаха Григорія, инспек-

¹⁾ Въ полномъ видѣ слово это см : Церковныя Вѣдомости, издаваемыя при Свят. Прав. Синодѣ. № 21 стр. 779—781.

тора Виеанской семинаріи іером. Германа и всѣхъ участвовавшихъ въ постриженіи лицъ академическаго и лаврскаго духовенства, перешель въ квартиру о. ректора, гдѣ въ привѣтъ и благословеніе отъ всей академической братіи ему поднесена была икона Преподобнаго Сергія. Въ дець Св. Духа, 25-го Мая, въ храмѣ Спасо-Виеанскаго монастыря, о. Діонисій посвященъ былъ Его Высокопреосвященствомъ въ санъ іеромонаха, а въ началѣ Іюня окончилъ академическій курсъ со степенью кандидата богословія.

Четвертаго мая въ 5 часовъ по полудни, въ актовомъ залѣ академіи состоялось годовое общее собраніе братства препод. Сергія для вспомошествованія нуждающимся студентамъ и воспитанникамъ Московской академіи. По установившемуся обычаю, предъ началомъ собранія, въ академической церкви, въ присутствіи всѣхъ собравшихся братчиковъ и студентовъ, совершена была торжественная паннихида по всѣмъ усопшимъ дѣятелямъ и благотворителямъ братства, причемъ впервые на годичной паннихидѣ слышалось и дорогое братству имя его недавняго предсѣдателя, проф. Виктора Дмитріевича Кудрявцева-Платонова. Паннихиду совершалъ о. ректоръ академіи въ сослуженіи члена совѣта братства, ректора Московской духовной семинаріи протоіеря Н. В. Благоразумова, пожизненныхъ членовъ братства и членовъ его московской комиссіи — протоіеря о. Григорія Смирнова-Платонова, священника В. А. Быстрицкаго и лицъ академическаго духовенства. Предъ отпускомъ паннихиды, о. ректоръ обратился съ амвона къ присутствовавшимъ съ слѣдующимъ словомъ:

„Прежде чѣмъ окончить молитвенное поминовеніе по дорогимъ намъ покойникамъ, подѣлимся тѣми чувствами и мыслями, которыя въ сей торжественно-печальный часъ въ большей или меньшей степени раздѣляются всѣми нами.

„Утѣшительно бываетъ для насъ принимать участіе въ тѣхъ молитвенныхъ священнодѣйствіяхъ, которыми дорогая всѣмъ намъ академія освящаетъ различныя отрасли своей жизни, соединяясь въ стѣнахъ сего святаго храма, какъ тѣсно сплоченное духовное братство. Утѣшительно и нынѣшнее собраніе, когда къ нашему братству присоединяются отцы и братіе, учившіеся въ Академіи прежде, но по прежнему сохраняющіе къ ней сыновнюю любовь. Но

какъ все на землѣ несовершенно, такъ и наше сердечное утѣшеніе взаимной любви и вѣры омрачается мыслью о разлукѣ и смерти, которая и собрала насъ нынѣ въ этотъ святой храмъ. Пѣтъ между нами тѣхъ, кого такъ любила Академія, нѣтъ многихъ и изъ тѣхъ, коимъ Господь вложилъ мысль объ учрежденіи благословеннаго Сергіевскаго Братства. Каждый годъ умножается число поминаемыхъ, каждый годъ къ нимъ прибавляется по нѣскольку поминавшихъ ихъ, молившихся за нихъ. Нынѣшній годъ особенно скорбный въ этомъ отношеніи: среди прочихъ дорогихъ покойниковъ нашихъ молитвъ просить и самъ незабвенный предсѣдатель Братства, всегда подававшій всѣмъ столь назидательный примѣръ смиренной и пламенной молитвы. Такъ онъ былъ дорогъ для насъ, что мы, глубоко потрясенные его кончиною, съ печалью разстались и съ днями его молитвеннаго поминовенія, находя отраду въ этомъ духовномъ общеніи съ почившимъ. Правда, высшая ступень духовной жизни не знаетъ скорби объ умершихъ, не боится смерти, остерегаясь только грѣха: но намъ, связаннымъ узами житейскихъ попеченій, для полноты общенія съ любимыми людьми, хотѣлось бы видѣть ихъ лица и слышать ихъ голосъ. Когда же неизбежная смерть отрываетъ изъ нашего Братства и изъ Академіи лучшихъ дѣятелей, то не только исполняетъ скорбію сердца наши, но и самихъ насъ устрашаетъ угрозами предстоящаго всѣмъ намъ тлѣнія и даже лишаетъ одушевленной преданности общему дѣлу, но мысли о скоро преходящемъ теченіи жизни.

„Но, возлюбленные отцы и братіе, не поддадимся до конца „печали міра сего“ (2 Кор. 7, 10) и отъ самой смерти, предстоящей нынѣ нашему мысленному взору, научимся, какъ бороться съ нею, какъ бороться со страхомъ смерти и скорбью безвозвратной разлуки.

„*Любовь и молитва*— вотъ два начала жизни, для которыхъ смерть не страшна, для которыхъ ея не существуетъ. Живы въ сердцахъ нашихъ тѣ, которые своею любовью заставляли полюбить себя, которыхъ любовь сильна въ нашихъ воспоминаніяхъ на столько, что при каждомъ обращеніи къ нимъ духовные образы этихъ людей вновь пробуждаютъ души наши къ высокимъ настроеніямъ, побуж-

даютъ насъ къ истинной жизни духовной, умягчаютъ сердца, возвышаютъ голосъ совѣсти. О такихъ людяхъ и молитва наша теплѣе и усерднѣе, такъ что на нихъ оправдываются евангельскія слова о томъ, какъ много грѣховъ прощается любящему много; ибо молитва вѣры и любви очищаетъ грѣхи усопшихъ. Но неужели тѣ изъ умершихъ, въ конхъ было меньше любви, остаются безъ всякой надежды? Опѣть! Другое начало, создающее вѣчную жизнь, всегда торжествуя надъ смертью, не оставляетъ безъ плода рабовъ-неключимыхъ. Начало это есть молитва, которая всегда будетъ возноситься отъ грѣшной земли къ небу, какъ умиловительный гимнъ, ибо доколѣ пребываетъ Вселенская Церковь, не оскудѣютъ въ ней и такіе Христолюбцы, которые найдутъ въ своихъ сердцахъ довольно сострадательной любви, чтобы облечь въ нее всякое произносимое въ поминаніяхъ имя, независимо отъ заслугъ усопшаго, и вознести о немъ молитву не устами только, но отъ полноты вѣрующаго сердца. Такъ въ грѣховной тѣмнѣ жизни земнородныхъ во вѣки сохранился свѣтлый лучъ молитвы, пробуждающій къ жизни все, на что онъ устремляется. Любовь вызываетъ молитву, и молитва нитаетъ собою любовь, рождаетъ жизнь и оба эти начала—любовь и молитва торжествуютъ надъ смертью. Вооружимся-же возлюбленные отцы и братіе противъ скорби смерти любовію и молитвой; не противъ смерти тѣлесной только, но и противъ двухъ еще другихъ родовъ смерти, о которыхъ нашему молитвенному собранію особенно благовременно подумать нынѣ.

„Тѣлесная смерть близкихъ горька намъ, потому-что она есть разлука съ ними по плоти, въ значительной степени лишаящая возможности насъ слабыхъ и маловѣрныхъ сохранять и духовное общеніе съ близкими, взаимно назидая другъ друга (1 Сол. 5, 11), обмѣниваясь вѣщими обнаруженіями любви. Но вѣдь почти такое-же значеніе имѣетъ и другое неизбежное зло жизни, называемое разлукой. А разлука предстоить намъ чрезъ нѣсколько недѣль: Академію покидаетъ ся старшій курсъ и со многими изъ покидающихъ насъ мы не увидимся никогда. Окончатся для нихъ навсегда часы молитвенныхъ и ученыхъ собраній, часы дружескихъ бесѣдъ, искренняго обмѣна чувствъ и мыслей.

Всему этому прекраснѣйшему содержанію общей жизни приближается неизбѣжный конецъ—какъ бы смерть. Только взаимная любовь и молитва другъ за друга могутъ торжествовать надъ нею, могутъ не на словахъ только, не въ пышныхъ фразахъ, но „дѣломъ и истиною“ (1 Іо. 3, 18) сохранять невидимое общеніе душъ, охранять въ разлукѣ то содержаніе жизни, какое вливала въ нихъ Академія. Охранять его нужно и для того въ особенности, чтобы спасти насъ отъ другой смерти, смерти лютейшей, смерти страшной и неумолимой, которой грозная коса виситъ надъ каждымъ изъ сыновъ Адама, то съ особенною лютою заносится надъ вступающими въ жизнь питомцами школы, посетителями юношескихъ, высокихъ, но не подкрѣпленныхъ опытомъ, стремленій и надеждъ. Разумѣю смерть нравственную; разумѣю отверженіе высшаго Божественнаго званія и то постепенное, но безвозвратное погруженіе души въ самолюбивую и чувственную тину плотской жизни, отъ котораго избавить насъ можетъ опять лишь любовь и молитва. Увы, сколь немногіе питомцы всякихъ школъ сохраняютъ въ своемъ дальнѣйшемъ существованіи хотя нѣкоторыя, сколько нибудь существенныя, черты высшей жизни! сколь многіе, напротивъ, всю жизнь свою посвящаютъ исключительно грѣховному себялюбію, совершенно забывая обо всемъ томъ, что было дорого въ юные годы. Скрывать ли отъ себя ту печальную участь друзей, оставляющихъ нынѣ нашу Академію, что во взорахъ и на лицахъ многихъ изъ нихъ Ангель Хранитель скоро-скоро не отыщетъ слѣдовъ нравственнаго и религіознаго одушевленія, но *дряхла и стена* будетъ находить печати страстей и душевнаго одебелѣнія. О злая смерть души! о печальный жребій нашъ, жребій изгнанниковъ рай! Ни богословская ученость, ни общественное высокое призваніе ничто не можетъ озлатить твоей поражающей десницы! Но и здѣсь сострадательная любовь и пламенная молитва отгоняетъ искушителя отъ слабой души. Разумѣете ли вы, юные братіе, незамѣнимую для васъ силу этихъ надежныхъ кормчихъ при опасномъ исхожденіи въ открытое житейское море, воздвигаемое напастей бурей? Къ сожалѣнію, едва ли разумѣете, ибо разумѣніе это дается обыкновенно горькимъ опытомъ, убѣждающимъ человѣка въ его нравственномъ безсиліи и ничтожествѣ, тѣмъ опытомъ,

который даетъ себя чувствовать въ жизни самостоятельной. Да, конечно вниманіе многихъ изъ васъ, при вступленіи въ жизнь, обращено не на себя, духовный взоръ вашъ не видитъ ужаснаго облика страшной душевной смерти, витающей надъ человѣкомъ; другія картины привлекаютъ быть можетъ ваши умы и сердца — шумъ общественной жизни, водоворотъ борьбы различныхъ направленій, послѣднее слово журнальнаго и книжнаго рынка, — всѣ тѣ области жизни, гдѣ раздаются громкія слова и замѣтно сильное, хотя бы и минутное возбужденіе. Но возлюбленные мои: тамъ-то и видно преимущественное царство смерти, тамъ всякому возстающему началу полагается быстрый конецъ, тамъ бытіе нетвердое, вѣчно исчезающее, вѣчно смѣняющееся другимъ и по большей части безсодержательное.

„Не молю, да возьмешь ихъ отъ міра, но да соблюдеши ихъ отъ непріязни“ (Іо. 17, 15); вступайте въ сей жизненный водоворотъ, боритесь, гдѣ и противъ кого нужно, но знайте, что только тѣ изъ васъ внесутъ туда добро и свѣтъ, чье жизненное содержаніе не будетъ исчерпываться, какъ у большинства людей свѣтскихъ, шумными интересами текущей минуты, борьбы партій и разныхъ послѣднихъ словъ, — по будете почерпать источники жизненнаго обновленія въ мірѣ внутреннемъ и въ Богѣ. Разумѣю тѣхъ, кто будетъ заботиться о своемъ внутреннемъ человѣкѣ, кто будетъ возгрѣвать въ себѣ любовь и молитву. Только тотъ будетъ въ Вавилонѣ, какъ Данилъ, въ столицѣ, какъ Златоустъ, въ Египтѣ, какъ Моисей и какъ Павелъ въ Ефесѣ и въ Римѣ. Безъ любви и молитвы нѣтъ жизни; любовь и молитва нужны не для неба только, но для того, чтобы и землю дѣлать землею Господней, чтобы и другимъ приносить благо, а не зло подъ видомъ блага. И если нынѣ ваши неотягченныя еще горькимъ опытомъ сердца не могутъ принять печальныхъ предвѣщаній нелицемѣрной любви, то вспомните о сихъ прощальныхъ словахъ во дни паденій, во дни разочарованій и унынія, которыми такъ богата наша жизнь. Вспоминайте тогда молодые годы сравнительной чистоты и искренней дружбы, вспоминайте наши молитвенныя собранія и эти сугубо священныя паннихиды. Вспоминайте усопшихъ наставниковъ вашихъ, умѣвшихъ любить и молиться, и того незабвеннаго нашего недавняго

покойника, который любилъ такъ глубоко и молился такъ пламенно и постоянно. Въ семь намѣреніи заключимъ сегодняшнее наше поминовеніе близкихъ нашему сердцу усопшихъ и вознесемъ къ престолу Всевышняго послѣднее молитвенное возглашеніе о нихъ съ любовью и надеждой. Аминь“.

Когда, по окончаніи паннихиды, братчики перешли въ актовъй залъ и заняли мѣста, въ числѣ собравшихся, кромѣ академической корпораціи, были: прот. Н. В. Благоразумовъ, профессоръ Моск. университета прот. А. М. Иванцовъ - Платоновъ, прот. Г. П. Смирновъ - Платоновъ, священникъ В. А. Быстрицкій, свящ. М. П. Багрецовъ и др. Открытое предсѣдателемъ братства, профессоромъ Д. Ѳ. Голубинскимъ, общее собраніе началось чтеніемъ отчета за минувшій годъ. Изъ сообщавшихся въ отчетѣ данныхъ слушатель выносилъ то отрадное впечатлѣніе, что дѣятельность и средства братства неизмѣнно развиваются и съ каждымъ годомъ получаютъ все большіе и большіе размѣры. Капиталь братства достигаетъ уже въ настоящее время до 41 тысячи рублей и, кромѣ того, организованная при братствѣ особая московская коммисія, поставляющая свою специальной задачей вспомошествованіе нуждающимся бывшимъ воспитанникамъ академіи, имѣетъ свой основной капиталъ, возросшій до четырехъ съ половиною тысячъ. Съ чувствомъ глубокой признательности выслушаны были братчиками сообщенія отчета о крупныхъ пожертвованіяхъ Высокопреосвященныхъ: Іоанникія, митрополита Кіевскаго (1000 р.), Пикандра, архіеп. Тульскаго (2000 р.), потомственныхъ почетныхъ гражданокъ Базановыхъ (2000 р.), проф. В. Д. Кудрявцева (500 р.), моск. Боявленскаго монастыря чрезъ преосв. Виссаріона (500 р.), почетнаго блюстителя академіи Н. М. Федюкина (300 р.), графа С. В. Орлова-Давыдова (220 р.) и др. Всѣ эти цифры можетъ быть внушать читателю мысль, что дѣла братства находятся въ настоящее время въ блестящемъ положеніи; но такое заключеніе было-бы слишкомъ поспѣшнымъ. Параллельно съ увеличеніемъ средствъ братства быстро возрастаетъ и та тяжесть благотворительныхъ расходовъ, которую приходится ему нести на своихъ плечахъ, и возрастаетъ въ такой ужасающей прогрессіи, что братству при-

ходится напрягать свои силы почти до изнеможенія. Въ минувшемъ отчетномъ году оно выпущдено было израсходовать на пособія до 6,000 рублей, а въ первой половинѣ текущаго истратило почти весь наличный расходный капиталъ, и то понижая размѣръ пособій до возможнаго minimum'a. Между тѣмъ приливъ новыхъ членскихъ взносов, подъ вліяніемъ почти повсемѣстныхъ бѣдственныхъ условий неурожайнаго года, значительно сократился, а потому расходная касса братства въ настоящее время оказалась въ такомъ положеніи, что совѣтъ братства счелъ необходимымъ при обычномъ объявленіи о предстоящемъ приѣмѣ студентовъ въ академію, заблаговременно предупредить, чтобы имѣющіе прибыть въ августѣ текущаго года на приемные экзамены въ академію, не рассчитывали на помощь братства, ибо въ слѣдующемъ учебномъ году оно имѣетъ возможность помогать только тѣмъ, которые уже обучаются въ академіи. Такимъ образомъ, молодежь предстоящаго учебнаго года, желавшая-бы получить высшее образованіе въ московской академіи, окажется въ печальномъ положеніи и можетъ быть въ большинствѣ своемъ напрасно будетъ стучаться въ невольнo-запертыя для нея двери академіи. Грустно будетъ смотрѣть на несчастныхъ юношей при ихъ печальномъ возвращеніи домой съ разбитыми мечтами на свѣтлое будущее, когда вмѣсто желаннаго гостепріимнаго пріюта въ священныхъ лаврскихъ стѣпахъ, имъ придется вынести лишь горькое разочарованіе напрасно потраченныхъ трудовъ и пережитыхъ волненій. Только усиленный приливъ пожертвованій могъ-бы вывести братство изъ его настоящаго затрудненія. Дай Богъ, чтобы всегда многочисленные на святой Руси добрые люди, такъ горячо выразившіе повсюду свое сочувствіе недавнему бѣдствію народнаго голода, протянули руку помощи и нашимъ бѣднымъ юношамъ, предотвративъ тотъ духовный голодъ, который угрожаетъ многимъ изъ нихъ въ наступающемъ году съ прегражденіемъ имъ доступа къ высшему академическому образованію! — Когда отчетъ, составленный и прочитанный секретаремъ братства Н. Д. Всѣхсвятскимъ, утвержденъ былъ собраніемъ, оно выслушало докладъ ревизіонной комиссіи и затѣмъ приступило къ выборамъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ. На всѣ подлежащія выборамъ должности

избранными оказались прежде занимавшія ихъ лица и вновь вошелъ въ составъ братскаго совѣта только профессоръ Г. А. Воскресенскій, избранный членомъ совѣта на мѣсто проф. Д. Ѳ. Голубинскаго, который въ декабрѣ минувшаго года занялъ должность предсѣдателя братства, сдѣлавшееся вакантнымъ по кончинѣ В. Д. Кудрявцева. — По предложенію предсѣдателя, общее собраніе избрало затѣмъ въ почетные члены братства Высокопреосвященныхъ: Іоаннікія, митрополита Кіевскаго и Архіепископовъ: Никандра Тульскаго и Савву Тверскаго, сочувственно относившихся къ задачамъ братства и оказавшихъ ему большую помощь своими крупными пожертвованіями. — Дѣятельность годичнаго собранія закончилась обсужденіемъ вопросовъ, касавшихся московской комиссіи братства и изданія сочиненій покойнаго В. Д. Кудрявцева. Московская комиссія ходатайствовала предъ собраніемъ, чтобы ей предоставлено было право имѣть въ своемъ распоряженіи хотя-бы нѣкоторую сумму, при посредствѣ которой она могла-бы оказывать пособія соотвѣтственно своей задачѣ, безъ необходимости каждый разъ сноситься съ совѣтомъ братства. Въ удовлетвореніе этого ходатайства общее собраніе постановило дозволить комиссіи имѣть на своихъ рукахъ изъ суммъ, поступающихъ прямо въ ея распоряженіе, все то, что, по уставу братства, должно быть отчисляемо въ расходный капиталъ, а въ случаѣ нужды, имѣть въ виду и проценты съ основнаго капитала комиссіи и ежегодно ассигнуемую изъ общихъ средствъ братства на помощь бывшимъ воспитанникамъ сумму, увеличивъ размѣръ ея еще на 100 рублей. — Покойный предсѣдатель братства, В. Д. Кудрявцевъ, завѣщаль въ его пользу всѣ свои сочиненія, какъ напечатанныя уже, такъ и остающіяся пока въ рукописи, и 1000 рублей на ихъ изданіе. Въ виду того обстоятельства, что дѣло объ утвержденіи завѣщанія уже близилось къ разрѣшенію, совѣтъ братства ходатайствовалъ о томъ, чтобы общее собраніе уполномочило его начать нѣкоторыя предварительныя работы по изданію, а, если возможно, приступить и къ самому изданію. Выслушавъ заявленныя нѣкоторыми братчиками по этому вопросу желанія, напр.: относительно того, чтобы поскорѣе была издана вновь докторская диссертация покойнаго В. Д., напечатанная въ

весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и давно составляющая библиографическую рѣдкость, и обмѣнявшись мыслями относительно того или другаго плана предполагаемаго изданія, общее собраніе постановило предоставить совѣту братства приступить къ подготовительнымъ работамъ и къ разбору бумагъ покойнаго В. Д., пригласивъ, въ случаѣ нужды, себѣ на помощь кого-либо изъ лицъ, компетентныхъ въ области той науки, которой касаются труды покойнаго.

Духовно-просвѣтительная дѣятельность академіи на пользу православнаго народа съ конца февраля текущаго года получила, сравнительно съ прежнимъ, болѣе широкіе размѣры. Академическіе дѣятели, выступавшіе прежде съ словомъ духовно-нравственнаго назиданія лишь за академическимъ богослуженіемъ или во внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ академической церкви, теперь получили возможность являться постоянными проповѣдниками слова Божія и на амвонахъ церкви Троицкой Сергіевой Лавры—во время литургіи и внѣбогослужебныя собесѣдованія на время перестройки академической церкви перенесены въ Христорождественскую приходскую по любезному предложенію настоятеля ея—священника о. Михаила Богрецова.

Воспитаникъ Московской академіи всегда, конечно, склоненъ дорожить неизмѣннымъ сохраненіемъ въ ней тѣхъ добрыхъ преданій и обычаевъ, которые служатъ выразителями присущаго ей духа. Вотъ почему съ 19-мъ числомъ минувшаго апрѣля соединено для меня одно изъ отраднѣхъ воспоминаній. Въ этотъ воскресный день молившіеся въ академической церкви были свидѣтелями возстановленія въ ней прежняго обычая совершать въ одну изъ послѣ-пасхальныхъ недѣль божественную литургію на греческомъ языкѣ. Начало этого обычая восходитъ еще къ сороковымъ годамъ и связано съ высоко-уважаемымъ именемъ тогдашняго ректора московской академіи, архимандрита Филарета, впоследствии архіепископа Черниговскаго. Въ первый разъ литургіи на греческомъ языкѣ торжественно совершена была соборомъ академическаго духовенства въ 1840 году въ домово́й церкви митрополичьихъ покоевъ, а въ слѣдующемъ году—въ придѣлѣ Троицкаго собора, гдѣ почиваютъ мощи Пре-

подобнаго Никона. Съ удаленіемъ ректора Филарета изъ академіи, въ 1841-мъ году, прекратился и заведенный имъ обычай греческой литургіи; возобновленъ онъ былъ лишь двадцать лѣтъ спустя, когда ректоромъ московской академіи сдѣлался близкій другъ Преосвященнаго Филарета Черниговскаго, незабвенный о. протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій. Торжественная греческая служба въ первый разъ по возобновленіи совершена была въ 1863 году въ трапезной лаврской церкви, гдѣ и вообще происходило всегда академическое богослуженіе до устройства домовою церкви въ самомъ зданіи академіи. Съ той поры до самой кончины Александра Васильевича не проходило ни одного года, когда не совершалась-бы греческая литургія въ одинъ изъ воскресныхъ дней послѣ пасхи въ лаврской трапезной или затѣмъ въ академической церкви. Приснопамятный о. ректоръ почти каждый разъ при этомъ случаѣ обращался къ собравшимся въ церкви съ поученіями, въ которыхъ или разяснялъ напр. внутренній смыслъ сохраняемаго обычая, или просвѣщеннымъ взоромъ глубоко-ученаго церковнаго историка обозрѣвалъ современныя событія на единовѣрномъ востокѣ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось найти въ бумагахъ А. В. того поученія, которое произнесено было имъ при первой греческой литургіи и которое главнымъ образомъ посвящено было выясненію смысла возстаповляемаго обычая; но не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь начало того поученія, которое сказано было имъ при греческой службѣ 21-го апрѣля 1874 года, когда я оканчивалъ академическій курсъ. „Слава благодати Всесвятаго Духа, говорилъ о. ректоръ, сподобившаго насъ и нынѣ совершить священнодѣйствіе святѣйшаго таинства Тѣла и Крови Христовой и принести молитву ко Всеблагому Отцу нашему о своихъ грѣсѣхъ и о людскихъ невѣжествѣхъ, словами Духоноснаго учредителя божественной литургіи, Св. Іоанна Златоустаго! Да будетъ сіе знакомъ общенія нашего съ тою церковію, которая предала намъ таинственное священнодѣйствіе, и да будетъ во утверженіе неразрывнаго единенія съ тѣми Богоносными Отцами, которыхъ время, жизнь, ученіе и дѣла иначе приближаютъ насъ къ Божественнымъ Апостоламъ. Св. Іоаннъ Златоустъ сло-

вомъ молитвы ведетъ насъ къ Василию Великому; Св. Василий Великій черезъ рядъ богопросвѣщенныхъ преемниковъ Апостольскихъ, — къ святому Іакову Епископу Іерусалимскому и брату Господню. Ихъ слово—въ устахъ нашихъ; ихъ молитва восполняетъ скудость въ насъ молитвеннаго духа; ихъ звуками движется воздухъ нашъ, оглашается слухъ нашъ“. — Каково было греческое пѣніе студентовъ во времена Филарета, — не знаю; но при Александрѣ Васильевичѣ, чрезъ посредство пастоятеля Вѣнской посольской церкви протоіерея Раевского, выписаны были для академіи изъ за границы ноты, которыя сохраняются и доселѣ. Мотивы пѣснопѣній, исполняющихся по этимъ нотамъ, довольно красивы и часто весьма своеобразны; но, конечно, совсѣмъ не напоминаютъ собою обыкновеннаго греческаго напѣва, который, какъ и напѣвы всѣхъ вообще восточныхъ церквей, обыкновенно производитъ на непривычнаго слушателя сильное впечатлѣніе своимъ обиліемъ носовыхъ звуковъ и замысловатыми руладами, и который можно слышать напр. хотя-бы въ московскомъ греческомъ монастырѣ. Мотивы академической греческой литургіи вѣроятно стоятъ къ повседневному напѣву, употребляемому въ греческихъ церквахъ, приблизительно въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находятся исполняемыя пѣвческими хорами переложенія нашихъ композиторовъ къ простому обиходному распѣву. Впрочемъ и за академической службой бывали иногда такіе моменты, которые невольно заставляли слушателя переноситься мыслию на отдаленный востокъ. Это случалось тогда, когда въ богослуженіи принимали участіе студенты-Греки, которые, хотя и не въ большомъ числѣ, нерѣдко обучаются въ академіи. Живо помню напр. какъ во времена моего студенчества, курсомъ старше меня, обучались въ нашей академіи три Грека-іеродиакона: Прокопій Икономидисъ, Германъ Апостолидисъ и Θεоклитъ Триантафилидисъ. Въ греческихъ литургіяхъ 1871-го и 1872-го годовъ всѣ они принимали обыкновенно самое горячее участіе, при чемъ произносили эктѣніи, читали Апостоль и Евангеліе съ соблюденіемъ всѣхъ музыкальныхъ особенностей греческаго произношенія. При началѣ литургіи всѣ они втроемъ исполняли въ алтарѣ троекратное „Христосъ воскресѣ“

также въ точномъ воспроизведеніи обычнаго греческаго напѣва. О. Прокопій съ такимъ сочувствіемъ относился къ нашему академическому обычаю, что и по окончаніи курса, оставаясь нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ на службѣ, кажется, въ Катковскомъ лицѣѣ, непрерывно пріѣзжалъ въ назначенный день въ посадъ, чтобы принять участіе въ совершеніи академической греческой литургіи. По кончинѣ А. В. Горскаго, пресмники его по должности ректора Московской академіи архимандритъ Михайль, впоследствии епископъ Курскій, и протоіерей С. К. Смирновъ, ревностные почитатели и хранители добрыхъ преданій своей родной академіи, неизмѣнно поддерживали и обычай совершенія греческой литургіи. Лично принимая всегда участіе въ этомъ священнодѣйствіи, они, какъ свободно владѣвшіе греческимъ языкомъ, по примѣру своего предшественника не только одни возгласы, но и всѣ тайныя молитвы въ алтарѣ читали въ этомъ случаѣ на томъ же языкѣ. Въ текущемъ году впервые возстановленъ обычай совершать греческую литургію, прекратившійся съ кончиною о. ректора Смирнова. Студенты-пѣвчіе съ удовольствіемъ стряхнули пыль, скопившуюся за пять лѣтъ на греческихъ нотахъ, и хотя всѣмъ имъ, начиная съ самаго регента, приходилось вновь разучивать свою партитуру, они приложили къ дѣлу столько труда и усердія, что исполнили службу съ такимъ-же успѣхомъ, какъ мы всегда привыкли слышать ее и въ прежнее время. Священнодѣйствовалъ самъ о. ректоръ съ соборомъ академическаго духовенства, при чемъ чтеніе часовъ поручено было студенту-Греку Христодуло, Апостоль читалъ студентъ-Арабъ Хабибъ-Хананія, прекрасно знакомый съ греческимъ языкомъ, а Евангеліе студентъ-Грекъ іеродіаконъ Каллисть. Чтецы исполняли свое дѣло съ соблюденіемъ всѣхъ характеристическихъ свойствъ греческаго богослужебнаго чтенія. Особенностію академической службы на этотъ разъ явилось то обстоятельство, что символъ вѣры исполнялся не пѣніемъ хора, какъ это бывало, по русскому обычаю, прежде, а внятно и раздѣльно прочтенъ былъ студентомъ Хабибъ-Хананія соотвѣтственно тому, какъ это всегда дѣлается въ церкви греческой.

День Св. Троицы, какъ престольный праздникъ лаврскаго Троицкаго собора, всегда празднуется въ обители съ осо-

бенною торжественностію и Московскіе Архипастыри, какъ священноархимандриты Сергіевой лавры, обыкновенно считаютъ своимъ долгомъ пріѣзжать на этотъ день изъ Москвы и принимать дѣятельное участіе въ лаврскомъ торжествѣ, совершая наканунѣ его вечерню и всенощное бдѣніе, а въ самый день праздника божественную литургію. Такъ какъ время этого весенняго праздника почти всегда совпадаетъ съ періодомъ академическихъ экзаменовъ, то перѣдко бывало, что Архипастыри Московскіе пріѣзжая за нѣсколько дней до праздника или оставаясь на нѣкоторое время послѣ него, удостоивали и академію своимъ посѣщеніемъ, чтобы присутствовать на производящихся испытаніяхъ и присмотрѣться къ результатамъ ея учебныхъ трудовъ. Такъ случилось и въ настоящемъ году. Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Леонтій, прибывъ въ лавру вечеромъ 20-го мая, на слѣдующее же утро почтилъ академическіе экзамены своимъ присутствіемъ. Встрѣченный у дверей академіи о. ректоромъ, исправлявшимъ въ то время должность инспектора орд. проф. А. П. Лебедевымъ и всѣми профессорами, долженствовавшими принимать участіе въ назначенныхъ по росписанію на тотъ день экзаменахъ, Владыка, въ началѣ десятаго часа, направился къ аудиторіямъ и до двѣнадцати часовъ присутствовалъ на испытаніяхъ студентовъ четвертаго курса по предметамъ догматическаго богословія и церковнаго права. Внимательно выслушивая излагавшіяся студентами свѣдѣнія, Владыка съ огеческою благосклонностію предлагалъ экзаменовавшимся многочисленныя вопросы и тѣмъ придавалъ экзамену оживленный характеръ серьезнаго и всесторонняго обмѣна мыслей по тому или другому изъ поставлявшихся на очередь научныхъ вопросовъ. — Наканунѣ лаврскаго праздника, въ субботу 23-го мая, былъ день тезоименитства Его Высокопреосвященства. Къ десяти часамъ утра этого дня, по предварительному извѣщенію, вся академическая корпорация, съ о. ректоромъ во главѣ, собралась въ пріемныхъ комнатахъ митрополичьяго дома и затѣмъ, перейдя въ залъ, принесла Его Высокопреосвященству свое поздравленіе. Владыка пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ садиться, и, побесѣдовавъ съ ними нѣсколько минутъ, благословилъ, поспѣвая къ пріему еще многихъ другихъ ожидавшихъ его поздра-

вителей, какъ изъ мѣстнаго духовнаго и свѣтскаго общества, такъ и прїѣхавшихъ изъ Москвы оо. архимандритовъ и протоіереевъ. На состоявшейся затѣмъ именинной трапезѣ въ числѣ приглашенныхъ Владыкою гостей и многихъ членовъ лаврской братіи академія имѣла своего представителя въ лицѣ о. ректора архимандрита Антонія; самъ Владыка отсутствовалъ, уединившись для приготовленія къ предстоящимъ ему четыремъ богослуженіямъ въ продолженіи трехъ дней. Въ Духовъ день онъ совершалъ литургію въ Виваніи при пѣніи семинаристовъ и сказалъ имъ архипастырское слово, напечатанное затѣмъ въ „Московскихъ Церк. Вѣдомостяхъ“.

По случаю предполагавшихся въ академической церкви передѣлокъ, въ день Св. Духа въ ней совершена была послѣдняя въ этомъ учебномъ году литургія съ благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ, при чемъ о. ректоръ обратился къ окончившимъ курсъ студентамъ съ своимъ напутственнымъ словомъ.

Послѣднія по окончаніи всѣхъ экзаменовъ засѣданія академическаго совѣта состоялись 3-го и 4-го іюня, когда такимъ образомъ и закончился вполне минувшій учебный годъ. Для членовъ нашей корпораціи эти дни имѣли особенное значеніе не только потому, что они полагали границу между періодами напряженнаго обязательнаго труда и вакаціонной свободы; но также и потому, что къ нимъ приурочились нѣкоторыя знаменательныя событія академической жизни. Третье число іюня было днемъ полугодичнаго поминовенія незабвеннаго для академіи Виктора Дмитріевича Кудрявцева-Платонова. Всенощное бдѣніе наканунѣ и заупокойная литургія съ панихидою въ самый день поминовенія совершены были въ Вознесенской кладбищенской церкви, а литія затѣмъ на самой могилѣ покойнаго. Священнодѣйствовалъ о. ректоръ въ сослуженіи академическаго духовенства и причта Вознесенской посадской церкви, при пѣніи студенческаго хора и въ присутствіи родственниковъ и почитателей покойнаго. профессоровъ, служащихъ и студентовъ. Во время прїобщенія священнослужителей, только что окончившій курсъ первый студентъ академіи г. Поповъ произнесъ слѣдующее слово:

И сказала имъ Иисусъ: „суббота человека ради бысть, а не человека субботы ради“. Ев. Мк. II, 27.

Снова, возлюбленные братіе, печальное празднество это собрало насъ къ гробу нашего дорогаго наставника, добраго друга и хранителя нашей юности, незабвеннаго профессора Виктора Дмитріевича. Живѣе возстаетъ въ воображеніи тотъ холодный, мгlistый и безотраднѣйшій день, въ который наша опечаленная семья доставила въ эту священную обитель усопшихъ дорогіе останки. Какъ безотрадно было тогда на душѣ! Какъ все говорило тогда о смерти и только о смерти! Мертва и неподвижна была тогда природа подъ своимъ бѣлымъ и блестящимъ покровомъ. Смертельный холодъ ощущался въ порывистомъ дыханіи декабрьскаго вѣтра. Жизнь боязливо спряталась въ свои временныя гробы. Символы нашей горячей любви къ почившему не выносили жестокаго прикосновенія зимы и замѣрзая увядали на нашихъ глазахъ. Даже и безжизненный снѣжный покровъ природы казался еще мертвѣй, еще холоднѣй въ своей молчаливой неподвижности. Въ этихъ то рамкахъ окружающей смерти мы видѣли и соответствующую картину, но еще несравненно болѣе скорбную: гробъ, и въ немъ дорогаго наставника, и сомкнутыя вѣчныя сномъ очи, и беззвучныя уста и мертвенный покой человека, за минуту столь дѣятельнаго. Печально двигались мы за милымъ прахомъ; въ душу прокрадывалось безнадежное уныніе; мы готовы были уподобиться тѣмъ, которые не имѣютъ христіанскаго упованія. А теперь?!..... Посмотрите, какъ все дышитъ теперь жизнью вокругъ этихъ гробовъ. Прислушайтесь къ тысячѣ звуковъ, оглашающихъ этотъ воздухъ. Посмотрите внимательнѣй, и вы увидите на незначительномъ клочкѣ земли тысячи жизней. Природа проснулась отъ своего глубокаго зимняго сна, лишь только коснулся ея живительный лучъ солнца. Она живетъ, она движется, она дышетъ чрезъ каждый листокъ, чрезъ каждую былинку. Какая противоположность! Гробовое молчаніе смѣняются тысячи звуковъ; мертвая окостенѣлость смѣняется движеніемъ и шумомъ жизни. Отовсюду вѣетъ тепломъ и радостію. Сильнѣе бьется человѣческое

сердце. Довѣрчивѣе смотритъ оно въ даль—въ свое темное будущее, примиряется съ суровостію былыхъ несчастій. Согрѣтое любовью, оно прозрѣваетъ въ этомъ воскресеніи природы будущее воскресеніе своихъ близкихъ. Ближе, доступнѣе становится ему мысль о побѣдѣ жизни надъ смертію, свѣта и разума надъ косностію неразумнаго бытія, живительной теплоты любви надъ бѣдностію и мертвымъ холодомъ житейскаго себялюбія. Ближе и понятнѣе ему христіанскія обѣтованія о жизни вѣчной, о безсмертіи человѣческаго духа. Оно вѣритъ и надѣется, что раскроется наконецъ и эта, собравшая насъ могила, что возстанетъ изъ нея въ воскресеніе, въ послѣдній день и нашъ дорогой наставникъ, просвѣтленный, облеченный въ новое, *духовное тѣло*, (1 Кор. 15, 44) возстанетъ для той чисто духовной жизни, къ которой онъ стремился еще въ своей брэнной оболочкѣ, возстанетъ для тѣхъ радостей богоподобія, которыя *уготовалъ Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9), будетъ вѣчнымъ членомъ того царствія Божія, благъ котораго не видѣло человѣческое око, не слышало ни одно человѣческое ухо, о которомъ не мечтало сердце въ самыхъ смѣлыхъ своихъ порывахъ.

Но не это только возстаніе въ воскресеніе, въ послѣдній день, ощущаетъ наше сердце, не эту жизнь будущаго вѣка, къ которой рано или поздно призоветъ и каждого изъ насъ промыслъ Божій, но и безсмертіе дѣла, которое дѣлалъ Викторъ Дмитріевичъ, безсмертіе его духа и тѣхъ добрыхъ сѣмянъ, которыя бросилъ онъ въ нашу душу.

Къ вамъ обращаю я, дорогіе товарищи, это слабое и неискусное слово. Не обращаетъ ли на себя ваше вниманіе то знаменательное совпаденіе, что первое и послѣднее впечатлѣнія, полученные отъ воспитавшей насъ школы, судьба связываетъ съ именемъ Виктора Дмитріевича? Припомните тѣ мгновенія, когда двери Академіи впервые открылись предъ нами, когда она готова была радушно принять насъ въ свои стѣны, когда радостною толпою вступали мы подъ ея священную кровлю! Вхожденіе наше привѣтствовалъ въ то время ея маститый патріархъ, выразитель началъ ея жизни и ея лучшихъ преданій — покойный Викторъ Дмитріевичъ ¹⁾. Съ тѣхъ поръ быстрою чередою

¹⁾ Покойный былъ въ то время и. д. инспектора.

прошли четырёхъ года. Наша alma mater, питавшая насъ столько времени и духовною и вещественною пищею, готова снова открыть для насъ свои двери. Да, еще день и она откроетъ ихъ, но уже для того, чтобы выпустить насъ въ бурный потокъ жизни. Радостная минута! Такъ говорить чувство достигнутой цѣли, чувство трудовъ, увеличавшихся усилѣхомъ, чувство побѣжденныхъ трудностей. Тяжелая, многозначительно-серьезная и печальная минута! Такъ говорить испытующая мысль, устремляясь въ будущее. Окончилась подготовка, настаетъ живое дѣло. Прошло время прекрасныхъ словъ и чистыхъ юношескихъ мечталій — настало время ихъ осуществленія. Нынѣ жизнь сурово говоритъ намъ: на дѣлѣ покажите вѣру вашу. (Лук. 2, 18). Довольно зеленѣла и наливалась наша нива, топерь время ей принести плоды. Отнынѣ недостаточно словъ и добрыхъ порывовъ! Отнынѣ мечта, не переходящая въ дѣятельность, для насъ преступленіе! Потокъ жизни и дѣйствительнаго труда готовъ увлечь насъ. Взгляните, братіе, что происходитъ въ нашемъ сердцѣ. Кого изъ насъ не посѣщаютъ сомнѣнія? Кто не боится остаться безответнымъ предъ запросами жизни? У кого изъ васъ не сжимается боязливо сердце при мысли, что можетъ быть ваши лучшіе порывы не выдержатъ ея суровой пробы? Вотъ въ эту то тревожную минуту предъ нами снова возстаетъ образъ дорогаго почившаго профессора. Онъ какъ бы благословляетъ исхожденіе наше отсюда, какъ прежде привѣтствовалъ наше вхожденіе. Припомнимъ же нравственныя начала, которыя руководили его жизнію и пусть они послужатъ послѣднимъ завѣтомъ, съ которымъ обращается къ намъ наша академія.

„Академія возросла и воспитала насъ. Она дала намъ чистые идеалы. Мы ясно сознаемъ цѣли и задачи нашей будущей дѣятельности.... Но такъ испорченность чело-вѣческой природы!... Она дѣлается иногда добычею грѣха въ своихъ лучшихъ стремленіяхъ. Какъ часто эти, сами по себѣ чистые и возвышенные идеалы, т. е. цѣли и правила жизни служатъ причиною грѣховныхъ паденій! Какъ часто въ нихъ подъ личіемъ добродѣтели проявляется себялюбивое и горделивое самоутвержденіе. Какъ часто въ жертву этой отвлеченности приносится живая, чувствующая и страдающая чело-вѣческая личность. Сколько крови про-

лито уже ради отвлеченной идеи! Сколько льется слезъ ради нея и теперь! Сколько скорбныхъ вздоховъ вылетаетъ изъ человѣческой груди изъ за нея, сколько терзаній, скорбей и горя несетъ она за собою! Въ великомъ и маломъ живая человѣческая личность приносится въ жертву этому новому идолу. Припомните кровавые перевороты всѣхъ временъ и народовъ. Это человѣческія жертвоприношенія различнымъ кумирамъ. Какое противорѣчіе! Громко и торжественно провозглашается идея всеобщаго братства, и во имя этой братской любви люди — братья вонзаютъ другъ другу въ грудь кинжалы. Ради будущаго торжества своихъ идей люди терзаютъ другъ друга, какъ дикіе звѣри, лишаютъ имущества, свободы, безопасности. Лучшіе люди падаютъ жертвой гнусной измѣны и наемнаго убійства. Тяжело движется эта новая колесница Молоха. Она давитъ людей, она безжалостно терзаетъ свои жертвы. Сколько стоновъ и воплей вокругъ нея, сколько ненужныхъ страданій!

„Но зачѣмъ намъ останавливаться на міровыхъ переворотахъ? Обратимся лучше туда, гдѣ большинство изъ насъ будетъ жить и дѣйствовать—къ среднимъ и низшимъ уч. заведеніямъ и воспользуемся знакомыми всѣмъ намъ наблюденіями, дабы не повторять въ своей дѣятельности тѣхъ роковыхъ ошибокъ, которыя придется оплакивать всякому педагогу, если онъ будетъ такъ легко жертвовать личностью ради идеи, ради поставленной цѣли. Вамъ приходилось видѣть начальниковъ, которые говорятъ съ своими учениками не иначе, какъ съ строгимъ и суровымъ видомъ. Единственное чувство, которое они внушаютъ подчиненнымъ есть страхъ; единственное желаніе ихъ питомцевъ не попадаться имъ на глаза и не имѣть съ ними дѣла. По можетъ быть эти педагоги суть бездушные себялюбцы? Нѣтъ далеко не всегда; еслибъ вы могли проникнуть къ ихъ семейному очагу, васъ удивило бы, съ какою цѣлностью и задушевностью эти же самые суровые глаза смотрятъ на своихъ семейныхъ. Васъ удивила бы ихъ неподдѣльная веселость, ихъ доброта, теплота отношеній между членами ихъ семьи. Не ясно ли, что у нихъ есть сердце, что они могутъ говорить инымъ языкомъ, что у нихъ достаточно сердечности и мягкости. Зачѣмъ же эта личина неприступ-

ной суровости въ отношеніи къ подчиненнымъ? Зачѣмъ это искусственное подавленіе лучшихъ сторонъ человѣческой души? Если вы спросите ихъ объ этомъ, они отвѣтятъ: нельзя поступать иначе: необходимо поддержать авторитетъ власти.

„Вы встрѣтите преподавателей, проникнутыхъ сознаніемъ высоты своей просвѣтительной задачи. Они любятъ повторять, что учебное заведеніе, въ которомъ они служатъ, не богадѣльня и не пріютъ для слабоумныхъ. Они спѣшатъ причислить къ неспособнымъ всякаго, кто дурно идетъ по ихъ предмету. Они прекращаютъ доступъ къ дальнѣйшему образованію тому, кто усвоилъ сообщаемыя ими свѣдѣнія съ меньшимъ совершенствомъ, чѣмъ хотѣлось бы имъ. Они искренно стремятся повысить уровень общественнаго образованія, но ихъ ригоризмъ разрушаетъ ихъ планы. Запоздалое развитіе ребенка они поспѣшно признаютъ за слабоуміе; равнодушіе къ одной наукѣ за полную умственную несостоятельность. И вотъ вмѣсто того, чтобы понять молодую душу, распознать ея наклонности и влеченія, ее пассивно отторгаютъ отъ источника просвѣщенія, ее оставляютъ безъ руководства, ее осуждаютъ на пожизненное невѣжество. Ради принципа убивается личность!.....

„Вы встрѣтите воспитателей, ослѣвленныхъ своею высокою задачею. Малѣйшее отступленіе отъ правилъ дисциплины карается ими съ чисто военною строгостію. Какъ часто невинная шалость вѣтреннаго ребенка даетъ ему репутацію порочнаго и негоднаго человѣка на всю жизнь! Какъ часто за шалости изгоняются изъ школъ и погибаютъ для общества полезныя силы! Какъ часто уста воспитателей открываются только для произнесенія выговоровъ! Какъ рѣдко нѣжная дѣтская душа встрѣчаетъ теплую ласку и сердечность! И вотъ возникаютъ тягостныя и неестественныя отношенія между воспитателями и воспитанниками. Они видятъ другъ въ другѣ врага. Преслѣдованіе съ одной стороны, самосохраненіе съ другой, взаимное раздраженіе растутъ. Чистое сердце дитяти отравляется ненавистью. Она проникаетъ туда, какъ ржавчина, принося съ собою лицемеріе, ложь и притворство; она уже въ эти ранніе годы учитъ постыдной борьбѣ за существованіе. О если бы открылись глаза у виновниковъ этого положенія вещей! Какъ бы смутились они, убѣдившись, что насиліе надъ человѣч.

личностію разрушаетъ ихъ собственные планы, ихъ лучшія надежды!

Въ такихъ формахъ проявляется въ жизни насиліе надъ чело-вѣческой личностію ради отвлеченной идеи. И посредствомъ этихъ паслій люди хотятъ служить Богу. Они попираютъ законъ, написанный въ сердцѣ каждаго человѣка, ради идеи, которая въ своемъ осуществленіи, быть можетъ, принесетъ больше зла, чѣмъ добра. Они ставятъ правду свою на мѣсто правды Божіей (Римл. 10, 3), какъ будто человѣкъ, эта плоть и кровь, эта сплошная ложь и ошибка отъ дней юности, можетъ поправлять судьбы Всемогущаго.

„Но на печальной и сухой пустынѣ настоящаго педагогическаго міра есть зеленѣющіе оазисы. Въ немъ свободнѣе чувствуетъ себя чело-вѣческая личность. Въ нихъ теплѣе, задушевиѣ отношенія воспитателей къ питомцамъ; въ нихъ больше сердечности; въ нихъ больше свободы развитія. Такой оазисъ и воспитавшая насъ академія, а выразителемъ ея началъ былъ покойный Викторъ Дмитріевичъ. Не даромъ такъ дружно собралась въ день его погребенія къ его гробу вся академическая семья. Не даромъ печаль была такъ искренна, ея знаки такъ единодушны.

„Не стану рисовать предъ вами, братіе, образъ нашего почившаго наставника. Его живописала въ печальный день погребенія болѣе опытная рука. Не стану напоминать вамъ подробности его жизни и дѣятельности. Память о нихъ свѣжа у всѣхъ насъ и оживляется видомъ свѣжей могилы, около которой мы возносимъ свои молитвы. Я скажу о томъ началѣ, которое лежало въ основѣ его дѣятельности и отображалось на всѣхъ его поступкахъ. Началомъ этимъ служило уваженіе къ чело-вѣческой личности, любовь и сострадательное участіе.

„Припомните, какъ сердечно и радушно принималъ онъ насъ у себя, какъ искренно желалъ онъ добра всѣмъ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло. Онъ умѣлъ говорить съ студентомъ, не подавляя его своимъ ученымъ величіемъ. Какъ это свойственно истиннымъ талантамъ и истинному величію духа, онъ умѣлъ говорить просто. Онъ умѣлъ поднять собесѣдника до себя. Быть можетъ, не одинъ изъ насъ впервые въ бесѣдѣ съ нимъ почувствовалъ себя взрослымъ, нравственно-отвѣтственнымъ членомъ общества. И какъ въ то-

же время легко и свободно чувствовалъ себя каждый въ этихъ бесѣдахъ. Трудно было встрѣтить застѣнчивость, столь естественную въ разговорѣ съ высшими. Но это обращеніе съ нами не было со стороны почившаго простою вѣжливостью, красивою формой безъ соответствующаго содержанія. Въ заученныхъ формахъ обращенія не свѣтится столько искренности и задушевности, онѣ не дѣйствуютъ такъ непосредственно. Только искреннее чувство способно воспламенить чувство. За этою вѣжностью скрывалась дѣйствительная вѣра въ человѣческую совѣсть и отсюда сочувственное признаніе ея правъ на самобытность и уваженіе.

„Какъ истинный христіанинъ, онъ былъ проникнутъ истиннымъ и глубокимъ христіанскимъ смиреніемъ, и потому онъ съ христіанскою терпимостію относился къ несовершенствамъ другихъ, къ мыслившимъ о предметахъ познанія иначе, чѣмъ онъ самъ. Онъ внутренно, сердечно чувствовалъ, что каждому дается свой талантъ, что нельзя подогнать подъ одну мѣрку ученыхъ воззрѣній, что каждый призванъ осуществить въ наукѣ ту сторону великой правды Божіей, которая находитъ наиболѣе сильный откликъ въ его душѣ. Какъ далекъ онъ былъ отъ того, чтобы считать совершенно чуждымъ истины все то, что не входило въ его собственныя философскія посланія. Какъ далекъ былъ отъ исключительности и нетерпимости! Съ какимъ участіемъ относился онъ ко всякому искреннему проблеску мысли, хотя-бы и не соглашался съ нимъ! Въ своихъ философскихъ работахъ студенты часто не соглашались съ воззрѣніями Виктора Димитріевича, подвергали ихъ разбору, по сильной критикѣ и въ такомъ видѣ подавали ему свое сочиненіе. Вамъ извѣстны такіе случаи, и вы легко ихъ припомните. Какъ же относился къ этому В. Д.? Въ его замѣткахъ нельзя было прочесть ни тѣни раздраженія. Напротивъ, онъ съ радостію привѣтствовалъ пробуждающійся анализъ молодого ума. Онъ поощрялъ его и воспитывалъ. На его слова и мысли отзывались наши души, но каждый отзывкъ отличался своеобразнымъ характеромъ.

„Безъ сомнѣнія, жизнь насъ, студентовъ, во многомъ отклонялась отъ идеаловъ покойнаго профессора. Но припомните, пожертвовалъ-ли онъ хоть однажды ради нихъ живымъ человѣкомъ? Слышалъ-ли кто-нибудь отъ него жесткое

слово? Тяжело-ли было сказать ему правду? Какъ мягко, какъ деликатно было его прикосновеніе къ больной совѣсти! Какъ отзывчиво было его сердце! Съ какимъ участіемъ относился онъ къ жизни каждой единицы!

„Пусть-же воспоминаніе о немъ будетъ послѣднимъ завѣтомъ намъ отъ академіи! Пусть воскреснуть духъ, сердечность и всѣ жизненные правила дорогаго профессора и въ нашей дѣятельности! Будемъ вѣрны преданіямъ нашей родной alma mater! Пусть наша вѣрность имъ будетъ знакомъ нашей благодарности! Да будетъ свята и высокоцѣнна для насъ всякая человѣческая личность, да будетъ неприкосновенна ангельская чистота дѣтской души, къ воспитанію которой мы призываемся! Остережемся служить Богу чело-вѣкоубійствомъ, къ которому по Апостолу причисляется всякое ненавистное чувство къ ближнему (1 Іо. .3, 15)! Будемъ помнить, что осужденъ будетъ виновникъ всякой напрасной человѣческой слезы, а соблазнившему единаго отъ малыхъ сихъ облежить камень жерновный на выи (Марк. 9, 42).

„Будемъ-же братія тщательно наблюдать за собою, будемъ размышлять о своей дѣятельности, чтобы не сдѣлаться подобными тѣмъ, для которыхъ не суббота чело-вѣка ради, а чело-вѣкъ субботы ради. Амишь“.

Послѣдній день минувшаго учебнаго года, 4-е Іюня, ознаменовался свѣтлымъ для нашей академіи праздникомъ. Послѣ заключительнаго засѣданія совѣта, въ первомъ часу пополудни, состоялось торжество закладки алтарной пристройки академическаго храма, чѣмъ полагалось начало къ осуществленію давняго и пламеннаго желанія о ректора и многихъ членовъ академической корпораціи. Мысль о необходимости затѣянной перестройки вызвана была прежде всего недостаточною помѣстительностію нашего храма и вслѣдствіе того часто царившею въ немъ духотою, а затѣмъ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что алтарь храма, по неизбѣжнымъ условіямъ внутренняго расположенія зданія, обращенъ былъ доселѣ не на востокъ, какъ то требуется по правиламъ церковнымъ, а на югъ. Соответственно этому и цѣль перестройки должна была состоять въ томъ, чтобы по возможности расширить вмѣстимость храма и алтарь его обратить на востокъ. Послѣ долгихъ переговоровъ и всесторонняго обсужденія вопроса, при участіи не-

давно избраннаго и утвержденаго старосты академической церкви Николая Николаевича Дружинина и почетнаго блюстителя академіи Николая Михайловича Федюкина, приглашеннымъ изъ Москвы архитекторомъ Ив. Фед. Червенко начертанъ былъ планъ возможной перестройки и составлена смета предполагающихся на это дѣло расходовъ. По выработанному плану предполагено присоединить къ прежнему помѣщенію церкви еще весьма значительное пространство, бесполезно занимавшееся доселѣ широкимъ внутреннимъ ходомъ, вынудъ для этой цѣли большую часть каменной стѣны и замѣнивъ ее тонкими колоннами, а на восточной сторонѣ академическаго корпуса, почти во всю ея широту, сдѣлать новую пристройку, которая должна будетъ вмѣстить въ себѣ алтарь и помѣщеніе для ризницы. Составленный въ этомъ смыслѣ планъ получилъ надлежащее утвержденіе; но для его осуществленія требовалась довольно значительная сумма денегъ, а потому нужно было позаботиться объ ея изысканіи. Благое начало въ этомъ случаѣ положено было милостію Его Высокопреосвященства, который благоволилъ пожертвовать три тысячи рублей изъ суммы Московской каеедры, а его доброму примѣру послѣдовали и нѣкоторые другіе благотворители и ревнители церковнаго благолѣпія. Староста академической церкви П. Н. Дружининъ принялъ на себя всѣ расходы по возобновленію и восполненію иконостаса, иконъ, подсвѣчниковъ, паникадила, сооруженіе престола и жертвенника и возобновленіе и восполненіе всей утвари церковной. Почтенный блюститель академіи Николай Михайловичъ Федюкинъ принялъ на себя всѣ работы съ матеріаломъ по пристройкѣ алтаря. Потомственный почетный гражданинъ В. П. Аигинъ уступилъ 250 р. изъ условенной цѣны купленнаго у него для постройки матеріала, а графъ С. В. Орловъ-Давыдовъ сдѣлалъ денежное пожертвованіе въ размѣрѣ 500 р. Кромѣ того, академія обратилась къ благотворителямъ, а также и ко всѣмъ бывшимъ воспитанникамъ своимъ печатнымъ воззваніемъ, приглашая ихъ оказать посильное содѣйствіе доброму дѣлу, и пожертвованія мало по малу начали уже поступать въ церковный академическій капиталъ. Конечно, многого еще не достаетъ, чтобы капиталъ этотъ достигъ желаннаго размѣра; но если православные добрые люди,

всегда усердные къ храмамъ Божиимъ, нерѣдко жертвуютъ на нихъ многіе десятки и сотни тысячъ, то неужели посрамить упованіе на ихъ усердіе тамъ, гдѣ потребны всего лишь немногія тысячи?! — По составленіи и утверженіи плана перестройки и по скопленіи хотя нѣкоторыхъ денежныхъ средствъ, признано было возможнымъ приступить наконецъ къ осуществленію задуманнаго дѣла. По представленію о. ректора академіи, для постояннаго завѣдыванія дѣлами по постройкѣ назначенъ былъ Его Высокопреосвященствомъ строительный комитетъ. Въ составъ этого комитета вошли: экстраординарные профессора академіи Г. А. Воскресенскій и Н. Н. Корсунскій, староста академической церкви П. Н. Дружининъ, почетный блюститель академіи Н. М. Федокинъ и священникъ Христорожественской посадской церкви М. П. Багрецовъ. Перваго Мая комитетъ имѣлъ свое первое засѣданіе, при чемъ председателемъ его избранъ былъ священникъ М. П. Багрецовъ, а секретаремъ—профессоръ Г. А. Воскресенскій. Члены комитета постановили, кромѣ постояннаго пристра за ходомъ постройки, для обсужденія и рѣшенія наиболѣе важныхъ вопросовъ два раза въ мѣсяцъ собираться на общія собранія. Послѣ переговоровъ и заключенія условій съ поставщиками и подрядчиками приняты были комитетомъ нѣкоторыя рѣшенія и можно уже было приступить къ началу работъ. Четвертаго Іюня назначено было торжество закладки. На мѣстѣ будущей алтарной пристройки устроенъ былъ деревянный помостъ, устланный коврами, и на немъ приготовлены были аналой, чаша для водоосвященія и нѣсколько большихъ подсвѣчниковъ съ зажженными свѣчами. Здѣсь-же видѣлась на блюдѣ и полагаемая обыкновенно при закладкѣ металлическая доска съ выгравированною на ней обычною надписью. Въ началѣ перваго часа съ параднаго академическаго крыльца показалась торжественная процессія многочисленнаго духовенства, въ преднесеніи хоругвей и святыхъ иконъ, и началось совершеніе установленнаго на этотъ случай церковнаго чиновослѣдованія. Богослуженіе совершалъ о. ректоръ академіи въ сослуженіи инспектора академіи іеромонаха Григорія, инспектора Виоанской семинаріи іеромонаха Германа, профессора протоіеря Д. Ѳ. Касицына, помощника бібліотекаря академіи

іеромонаха Рафаила, предсѣдателя строительнаго комитета священника М. П. Багрецова и всѣхъ священствующихъ и монашествующихъ студентовъ академіи, при архидіаконѣ лавры Димитріанѣ и іеродіаконѣ Флавіанѣ и стройномъ пѣніи студенческаго хора. Мѣсто богослуженія окружила густая толпа молящихся, въ числѣ которыхъ были: о. намѣстникъ лавры архимандритъ Павелъ, казначей архим. Товія, профессоръ протоіерей А. М. Иваццовъ-Платоновъ, староста Н. Н. Дружининъ, почетный блюститель Н. М. Федюкинъ, архитекторъ И. Ѳ. Червенко, всѣ профессора, служащіе и студенты академіи. Прекрасная погода вполне благоприятствовала торжеству. Яркіе лучи полуденнаго солнца весело играли на позлащенныхъ окладахъ иконъ и хоругвей и на блестящихъ парчевыхъ облаченіяхъ духовенства. Громкіе голоса священнослужителей и стройное пѣніе хора плавно разносилось въ тишинѣ академическаго сада. Ликующая весенняя природа какъ-бы намѣренно усиливала впечатлѣніе величественнаго обряда, возбуждая невольную возвышенную радость въ душѣ молящагося. Полныя глубокаго смысла молитвы и знаменательныя священнодѣйствія заставляли его съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за всѣми подробностями чинопослѣдованія и, конечно, надолго сохранятся въ его памяти. Вотъ, послѣ молитвы и окропленія святою водою, плавно поднялся на высококомъ столбѣ большой деревянный крестъ, знаменуя предъ всѣми, что дѣло предпринимается во имя Божіе съ призываніемъ на него Божьяго благословенія. Раздались затѣмъ новыя слова молитвы, легла на мѣсто приготовленная доска и застучалъ молотокъ по окропляемому святою водою первымъ кирпичамъ будущаго зданія, Первый камень положенъ былъ о. ректоромъ академіи, а затѣмъ, подходя по одиночкѣ къ мѣсту кладки, приняли въ ней участіе всѣ священнослужители, благотворители, почетные гости, строители, профессора, служащіе и студенты академіи. Богослуженіе закончилось провозглашеніемъ обычнаго многолѣтія, при чемъ особо поименованы были благотворители академическаго храма и участники въ трудахъ по его устройству, и затѣмъ процессія прежнимъ порядкомъ возвратилась внутрь академическаго зданія. — По окончаніи богослуженія, въ началѣ втораго часа, вся академическая корпорація, свя-

ценнослужители и почетные гости собрались въ квартирѣ о. ректора, гдѣ приготовлена была трапеза. Часы, проведенные въ оживленной бесѣдѣ подлѣ стола и за столомъ, пролетѣли и на этотъ разъ также незамѣтно и задушевно-весело, какъ всегда бываетъ въ этой гостепримной квартирѣ радушнаго хозяина. Непринужденно лилась бесѣда, провозглашались тосты, гремѣли привѣтствія и отовсюду слышались взаимныя благожеланія. Съ большимъ интересомъ выслушана была застольная рѣчь профессора Д. О. Голубинскаго, въ которой онъ подѣлился съ присутствовавшими нѣсколькими своими воспоминаніями изъ исторіи нашего академическаго храма. Мысль объ устройствѣ домовою церкви въ академіи, говорилъ онъ, возникла еще во 2-й половинѣ сороковыхъ годовъ, когда ректоромъ академіи былъ архимандритъ Евсеій, впоследствии архіепископъ Могилевскій; осуществиться суждено было этой мысли лишь при А. В. Горскомъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Было первоначально предположеніе устроить церковь въ томъ академическомъ корпусѣ, въ которомъ въ настоящее время помѣщаются аудиторія, но такъ какъ для надлежащаго приспособленія этого зданія къ указанной цѣли потребовались бы, по расчету, слишкомъ большія затраты, а предприятие должно было осуществиться исключительно на средства тогдашняго почетнаго блюстителя академіи А. В. Толоконникова, то предположеніе это было признано неудобнымъ. Остановились на мысли избрать мѣстомъ для церкви академическій залъ, въ которомъ производились обыкновенно публичные экзамены и совершались всенощныя бдѣнія. Вместимость этого зала казалась тогда достаточною; но его внутреннее расположеніе было таково, что являлась необходимость алтарь предполагаемой церкви обратить не на востокъ, а на югъ. Это обстоятельство не мало смущало покойнаго о. ректора Александра Васильевича, тѣмъ болѣе, что извѣстный канонистъ профессоръ Александръ Осдоровичъ Лавровъ-Платоновъ, впоследствии Высокопреосвященный Алексій, архіепископъ Литовскій, къ которому о. ректоръ пытался обратиться для устранения своихъ сомнѣній, послѣ многихъ научныхъ справокъ, рѣшительно заявилъ, что по церковнымъ правиламъ обращеніе алтаря на югъ никакъ не можетъ быть одобрено. Какъ-бы то ни

было, но необходимость все-таки заставила о. ректора допустить неизбежное уклоненіе отъ установленнаго порядка и, съ разрѣшенія высшей власти, академическая церковь была наконецъ устроена съ алтаремъ, обращеннымъ на югъ. Только теперь дожили мы до той поры, когда церковь эта, вновь преукрашаемая и расширяемая въ своихъ размѣрахъ, обращается алтаремъ на востокъ и получаетъ такимъ образомъ такое устройство, которому сердечно порадавались-бы незабвенныя свѣтила нашей академіи Александръ Васильевичъ и Высокопреосвященный Алексій. Ораторъ заключилъ свои воспоминанія провозглашеніемъ новаго тоста за тѣхъ ревнителей церковнаго благолѣпія, которые даютъ возможность и нашему академическому храму получить благолѣпное и вполне правильное устройство. — Послѣ трапезы профессоры и доценты академіи перешли въ актовъ залъ, гдѣ, подъ предсѣдательствомъ о. ректора, болѣе двухъ часовъ занимались обсужденіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ по изданію академическаго журнала, а затѣмъ, выслушавъ товарищески-благожелательное напутственное слово о. ректора, съ бокалами въ рукахъ пожелали другъ-другу всего хорошаго и мирно разошлись на вакаціонный отдыхъ, мечтая запасть снова силами для предстоящаго новаго труда или посвятить свой досугъ ученымъ работамъ на полной свободѣ. — Такъ закончился нашъ академическій годъ, а вѣстѣ съ тѣмъ оканчиваются и мои воспоминанія.

В. Соколовъ.
